

31.07. 2003.

Наумов Владимир

10

ВЕЧЕРНИЙ КЛУБ
31 июля 2003

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

«МУКИ ТВОРЧЕСТВА –
ЭТО НАШЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ»

ВЛАДИМИР НАУМОВ: АМЕРИКАНСКИЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ СТРЕЛЯЮТ ОЧЕНЬ ПЛОХО

Какие-то они «не наши». И по стилистике, и вообще. Странно, как при таком подходе им не только разрешили снимать кино – дали руководить подразделением «Мосфильма», студией «Союз». Ведь главное требование к соцреализму: чтобы даже простой сельчанин понял, где здесь свой, а где враг. А у них то беременную немку в последний день войны нужно в больницу доставить, то белогвардейцы какие-то больно на людей похожие... акие мысли приходили, должно быть, в голову рядовым «партийцам», когда они видели фильмы Александра Алова и Владимира Наумова. Сейчас картины «Бег» и «Тегеран-43» Алова-Наумова торговцы видеокассетами размещают рядом с новыми голливудскими боевиками. Фильмы «made in USSR», сделанные к тому же в годы застоя, лежат рядом с «Крепкими орешками», «Армагеддонами», «Днями независимости» – и никто не удивляется.

Алов умер в 1983 году. Всю свою жизнь он и Наумов проработали вместе и в сознании зрителя на отдельные субъекты не разделялись. Оставшемуся в живых поэтому пришлось нелегко. В декабре прошлого года Владимиру Наумовичу исполнилось 75, но он и не думает бросать кино. Сейчас заканчивает снимать свою «Мадонну на асфальте», а год назад на экраны вышли «Часы без стрелок».

– О чем ваша «Мадонна», и почему она лежит на асфальте?

– Главная героиня там женщина, которая потеряла на кавказской войне мужа. Ее играет моя дочь Наташа Наумова. За ней ухаживают многие мужчины. Но она не может предать своего уже умершего мужа, хотя сознанием и понимает насколько это нелепо. Сначала я так и хотел назвать картину – «Жена мертвого человека», но мне показалось, что это слишком страшно. Почему в итоге она стала «Мадонной на асфальте»? Там фигурирует художник, который постоянно рисует на асфальте Деву Марию мелками. Над ней вольно или невольно надругаются и природа, и люди. Люди ходят по ней, машины ездят, дворники сжигают над ней мусор, дождь размывает ее, мелки растекаются, лицо теряет форму... Так же и над героиней все вольно или невольно, что чаще, надругаются. Мы пытались сделать так, чтобы за первым явным смыслом сюжета всплывал еще второй. Неявный. А кое-где, может быть, и третий. Это как у колокола, у которого от удара сначала идет первый звук, а спустя пару секунд слушателя настигает эхо.

– Я прочитал в буклете, что в вашей последней вышедшей картине «Часы без стрелок» чуть ли не главный герой – дом, построенный поверх рельсов. И дом этот вроде бы из вашего сна.

– Да, лет семь назад было мне совершенно безумное видение. Я иду по двору огромного дома 30-х годов. Такой, знаете, каменный колодец. Вдруг замечаю нечто странное – рельсы. Они идут под здание. Я во сне начинаю соображать: «Что за идиотизм? Какой дурак построил дом на рельсах?». Захожу внутрь и вижу, что эти рельсы проходят через самую обычную комнату: под потолком люстра висит, около стен шкафы и серванты. Стулья стоят, между шпалами ножки стола. Здесь кто-то живет.

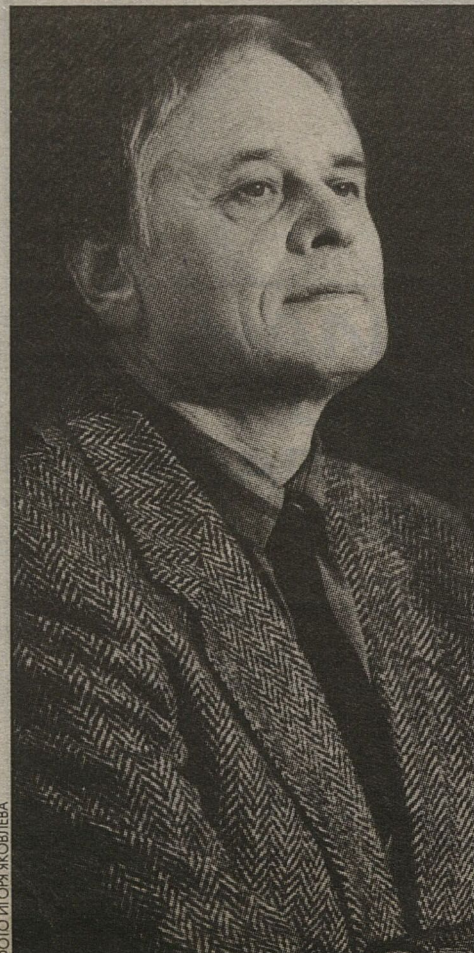
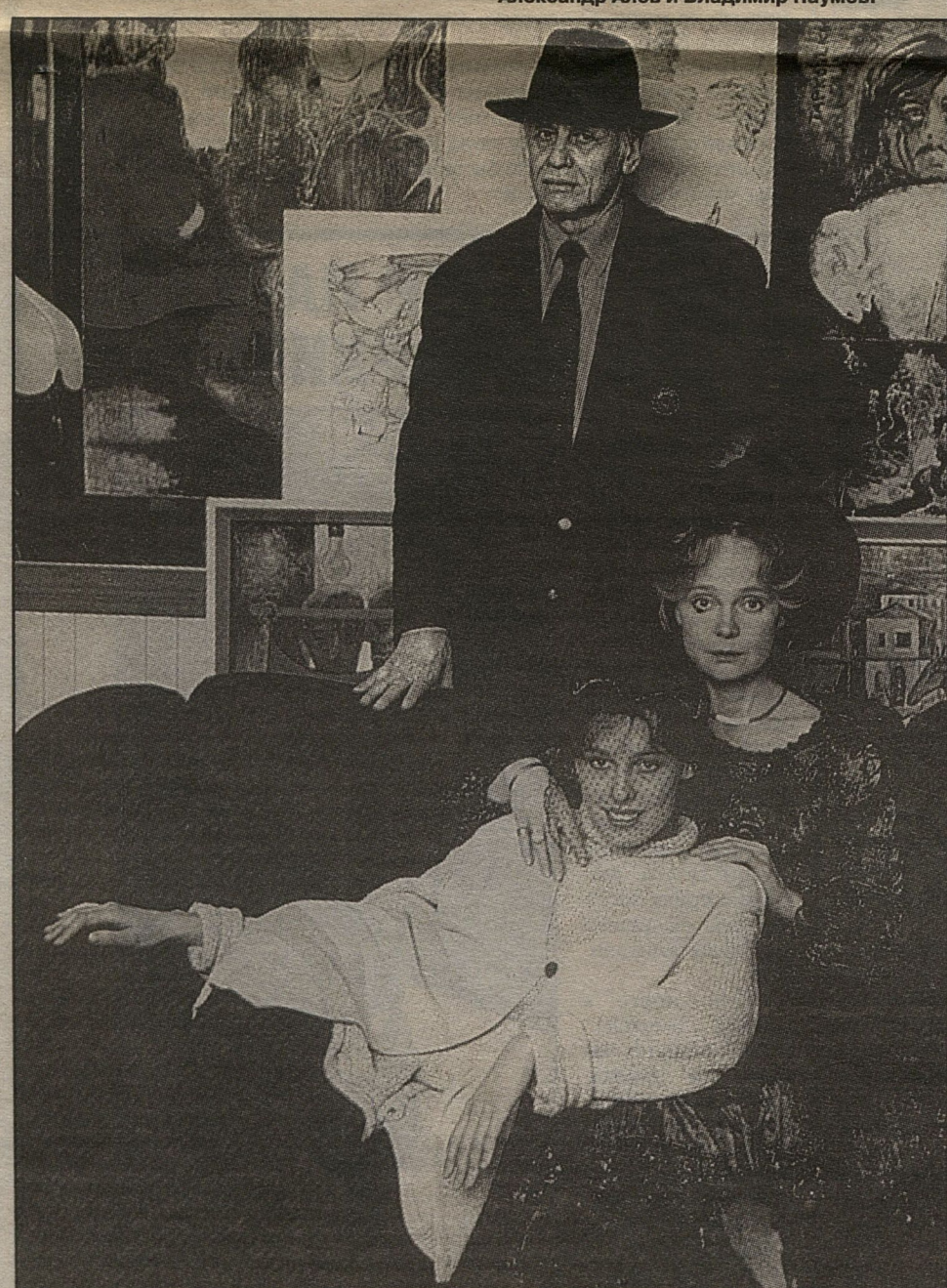

ФОТО ИГОРЯ КОВЛЕВА

Александр Алов и Владимир Наумов.

Семейный портрет в интерьере.

Они, видимо, привыкли к этим путям, они вообще их не замечают! И вдруг я слышу грохот надвигающегося поезда. Я прижимаюсь к стене. Самого локомотива не вижу, но грохот нарастает, и я чувствую – дело плохо. В тот момент, когда тепловоз должен был пробить стену, разрушить дом и уничтожить меня вместе с ним, я просыпаюсь... Ну, подумал, мало ли какой бред снится. Но сценка эта мне запала в душу. Я понял, что хочу снять ее в кино.

– Ваш приятель Тонино Гуэрра тоже большой мастер выдумывать подобные штуки...

– Тонино – еще тот фрукт. Местечко, в котором он живет, называется Пинобилли, это недалеко от Римини. Очень маленький городишко, находящийся в горах. Улочки там кривые и узкие. И повсюду расставлены так называемые меридианы – солнечные часы. Поэтому, если день ясный, всегда можно узнать который час. У Тонино там есть «парк забытых деревьев». Он эдакий Мичурин наоборот – пытается сделать свой сад таким, каким он был бы в палеозое. Очень хочет, чтобы его никто не трогал, не убирал. Чтобы он выглядел так, будто там не ступала нога человека. Еще Гуэрра единственный в мире президент реки. Я, по крайней мере, других президентов рек не знаю. Мэры близлежащих городов и тамошний губернатор назначили его президентом реки Мареккио. Он ее теперь охраняет. Словом, очень интересный господин.

– Каждый имеет право на причуды. А уж если твоя фамилия встречается в энциклопедиях...

– В словарях про Тонино пишут, что он «выдающийся итальянский драматург». И я с ними полностью согласен. Сам-то он считает себя в основном писателем и поэтом. Но созданные им сценарии – главное дело его жизни, как мне кажется. Однажды «выдающийся итальянский драматург», я и молодой, но тоже вполне выдающийся, питерский автор Владимир Вардунас задумали снять кино. Фильм мы назвали на первых порах «Тайна Марчелло». К Мастроянни это никакого отношения не имело. Сначала. Потом Тонино как-то ему рассказал о нашей затее, и она его заинтересовала. Он приехал к Гуэрроа домой, где уже были я и моя жена Наташа Белохвостикова. И мы начали обсуждать сценарий. Это походило на итальянское кино: сначала говорит Тонино, Мастроянни его бесцеремонно перебивает, свою точку зрения высказывает Наташа, потом встречается жена Тонино – Лора, Тонино на нее кричит – мол, женщина, не лезь не в свое дело, снова что-то говорит Мастроянни... Творческий дух снизошел на нас. Мысли возникали неожиданные, новые потоки сознания вливались в общий сюжет. Герои по ходу преобразовывались, менялась история...

– Не помню какой конкретно режиссер это сказал, но суть его высказывания такова: «На площадке нужно быть диктатором. Если вам рассказывают о том, как все хорошо и замечательно было на съемках, как там все друг друга любили, – будьте уверены, кино в результате получится отвратительное».

– Неправда. Знаете, что я там, в этом Пинобилли, понял? Муки творчества – это наше изобретение. Мастера эпохи Возрождения творили играя. Я, знаете ли, был в дружеских отношениях с Феллини, мы переписывались больше тридцати лет и встречались довольно часто. Так вот, он мне как-то написал, что мечтает снять фильм без сценария. Чтобы актеры пришли и уже на месте под его чутким руководством импровизировали на заданную тему. По большому счету, кино всегда так и снимается. Сценарий – сценарием, но ведь оператор, актеры, костюмер – живые люди. В этом и достоинство, и недостаток кинематографа. Я неплохо рисую. Рисование доставляет мне много удовольствия. И во многом потому, что между мной и бумагой никого нет – только каран-

даш. А когда снимаешь фильм, между тобой и конечным продуктом, который ты себе вообразил, куча народу. И если это творческие личности, их потенциал нужно использовать. Атмосфера любви — это как раз то, что нужно для реализации. И никаких мук творчества! Как это у нас с Матростройни и Гурра было в Пинобилли.

— Хм... Я всегда думал, что роды — процесс болезненный. По крайней мере, у млекопитающих.

— Нет-нет, там все было очень легко и весело. То сценарий сочиняем, то обо всяких пустяках трепемся. Например, Тонино рассказал такую историю. Искли он и Антониони натуру где-то в Средней Азии. В предгорьях Тянь-Шаня встретили древнего старика. Он сидел на краю дороги, прикрыв веки, и не то медитировал, не то молился. У Антониони при себе был «Полароид» — они тогда только появились. Решили прищельцы старика осчастливить, сделать снимок. Нажали на кнопку, подули, подождали и проявилось изображение. Тонино протянул старику карточку. А тот медленно поднял на них взор, безучастно взглянул на фотографию и спросил: «Зачем вы остановили время?». Затем отдал снимок Тонино и вернулся к медитации. Велась в Пинобилли и менее возвышенные разговоры. Однажды речь зашла о любимых женщинах Матростройни. Тонино и Марчелло принялись считать виллы, которые Матростройни раздарил своим бывшим возлюбленным. Долго они это делали, не меньше получаса. Тонино говорил: «Помнишь, была у тебя такая, длинная, ты ей дом оставил в Риме?». «Да, точно», — отвечал Матростройни, — чуть не забыл. Но это, вроде, последняя. Больше никому я особняков не дарил». «Врешь!» — кричал Тонино. — Ты еще такой-то в Испании преподнес виллу». В конце концов, они насчитали этих дарованных поместий штук одиннадцать или двенадцать.

— Снять фильм с любвеобильным Матростройни в главной роли, насколько я знаю, вам так и не удалось.

— Он умер. Главного актера нет, пришлось сценарий практически полностью переписывать. Осталась небольшая итальянская часть, но в остальном действие перенеслось в Россию. В новом варианте там сильная криминальная линия. Разгоняясь, она натывается на эпизоды философского толка. Так, переплетаясь, они и сосуществуют. Мне было очень важно, чтобы они не мешали друг другу, а помогали и дополняли. Но, несмотря на наличие детективного направления, это не боевик. Я Голливуд за что недолюблю. У них все преувеличенное, театральное, почти карикатурное. Полицейский палит из револьвера. В стенах дырки, летит во все стороны стекло, снятое рапидом, вода из разбитой бутылки красиво льется на пол... При этом барабан револьвера вмещает шесть патронов, но выстрелов делается не меньше сорока. Полицейского много лет готовили, чтобы в случае необходимости он мог поразить цель. Немало времени он, наверное, провел в тире. Однако бедняга с расстояния трех метров не способен попасть в противника. В бутылку, чтобы она эффектно разлетелась, пожалуйста. А в героя никак не получается. Но если и попадет, даже из этого они делают цирк. Фонтаны из крови у них льются. Но вы посмотрите хронику — люди так не умирают. Когда пуля попадает в сердце, образуется крошечное, в несколько миллиметров, отверстие. И только потом, спустя полминуты, кровь медленно начинает расплываться по рубашке... И еще. Боевики все друг на друга похожи. А хорошее кино неповторимо. Мы как-то с женой улетали из Москвы. Самолет был утром. Ночью я заснул под телевизор. Там какой-то бравый молодец за кем-то гнался. Улетели. Вернулись. Я включаю телевизор — тот же верзилка все за кем-то бежит со своей «пушкой». Он три дня нас дождался. Наташа уверяла меня, что это другой фильм, просто актер тот же. Хотя не все ли равно?

— А куда улетали? Не за границу, слушаем? Вы ведь там частенько бывае — слышал, сцену для нового фильма в Венеции снимали. Как в «просвещенной Европе» к нашему кино относятся?

— По-разному. Французы полтора года назад меня очень удивили. Мы тогда в Канн ездили на Дни русской культуры с Сергеем Соловьевым. Так вот — я даже и не ожидал, что они так нами интересуются. Организаторы арендовали огромный Дворец кино — то самое здание, в котором проходит

Наталья Белохвостикова в фильме «Легенда о Тиле».

Рисунок Владимира Наумова. 1991 г.

Каннский фестиваль. Но даже он не смог вместить всех желающих, около пятидесяти человек не смогли попасть на просмотр. Я и Белохвостикова минут пятнадцать потратили на то, чтобы попасть в зал и представить собственную картину. Охранники, уставшие от тех, кто жаждал увидеть русское кино, уже ничего не соображали. Они не хотели пускать меня, режиссера. Потом все же прорвались. На следующий день я встретил тех героев, которые досмотрели мой фильм до конца. Подходили французские студенты. Три парня и одна девушка. Очень симпатичная, между прочим. (При этом Наумов заговорщически взглянул на меня. Тебе бы понравилась — читается в его взгляде.) Причем, они не просто хотели руку пожать или автограф получить, к чему я, понятное дело, привык. Они хотели пообщаться. Сказали, что всю ночь после просмотра философствовали. Их очень задела наша «бомжи эпохи Возрождения». Это группа товарищей, которые живут не то на чердаке, не то в подвале и на вид обычные нищие. Но когда один из них подходит к стене и начинает рисовать, мы вдруг видим, что из-под его руки выходит «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи. Есть там еще один персонаж — он рисует брейгелевских «Слепых». Эти божии гении живут, так сказать, на шве времени. И студенты разгадали некоторые шифры, которые, как мне казалось, останутся навсегда моей тайной...

В этот момент на столе зазвонил телефон. Владимир Наумов поднимает трубку и сообщает, что Михаила Петровича по этому номеру нет и никогда не было. Он хочет уже продолжить свой рассказ, но телефон звонит снова. Наумов, изменив голос, говорит в трубку: «Михаил Петрович скончался... Да... Приходите на похороны послезавтра в восемь утра. До свидания».

— Ну, а что делать? Иначе вы у меня интервью никогда не возьмете. Так вот. В Библии есть одна строчка: «Слепые вожди слепых. Если слепой поведет слепого, оба упадут в яму». И есть картина Питера Брейгеля «Слепые». Шесть слепцов, держась друг за друга, движутся к пропасти. Первый сорвался и летит вниз. Второй почувствовал уже неминуемую гибель. У третьего на лице написано предчувствие беды. А

пятый и шестой вообще ни о чем еще не подозревают. С одной стороны это абсолютно реалистичная картина — видны даже трещины на тростях этих несчастных. Но прописанность деталей не означает, что это просто хорошо скопированная действительность. «Слепые» Брейгеля — огромное по силе философское полотно.

— Эти строки из Библии, которые вы упомянули... Вы намекаете на то, что сейчас такое время, когда слепые ведут слепых к пропасти?

— Эти строки из Библии относятся ко всем временам и ко всем народам. И брейгелевские слепцы в том или ином виде присутствуют во всех моих с Аловым картинах. Правда состоит в том, что сейчас время хаоса. Хаос уничтожает людей.

— За последние два года, как мне кажется, хаоса поубавилось. А времена всегда дурные — хорошо там, где нас нет.

— Есть в ваших словах определенная правда. Наша с Аловым картина «Скверный анекдот» 22 года пролежала на полке. Какой-то товарищ напечатал статью под названием «Вопреки Достоевскому», после чего фильм запретили. Его даже смыть собирались — ходили такие слухи. Поэтому наш композитор Каретников украл две копии, они у него дома под кроватью валялись. Но после Сталина не было у нас такого жестокого истребления человека человеком. У смерти и так богатая фантазия, а мы ей еще помогаем... Н-да, у смерти фантазия богатая. У трагически погибшего Толи Ромашина в «Часах» очень много крупных планов. Персонаж ему достался со странностями. Бывший профессор, переквалифицировавшийся в дворники. Он зачем-то сжигает письма. Он каждый день подметает рельсы, поверх которых построен дом. Никто не может понять этого чудака. Все думают, он просто допился до белой горячки. Дворник этот все время припадает к земле и говорит: «Тс-с-с... Он идет, идет...». Когда я смотрел уже после смерти Толи этот кусок, у меня мурашки поползли по спине. Было такое ощущение, что он это о собственной смерти. О том, чего нельзя ни отменить, ни отсрочить. Все кончается. Иногда естественно, иногда противоестественно, как в этом случае. Нелепая смерть. (Анатолия Ромашина на даче придавило упавшее дерево. — И. П.)

— Раз уж речь зашла о покойных. Вы, говорят, навещали вашего однокурсника Сергея Параджанова в больнице, когда он был уже тяжело болен?

— Было дело. Параджанова я очень любил. Человек он был жизнерадостный, всегда с улыбкой встречал невзгоды. Но в последние дни как-то сдал... Хотя когда вспоминаешь о нем, это время не всплывает в памяти. Больше какие-то смешные случаи. В конце восьмидесятых мы встретились с ним в Мюнхене. Я там представлял как раз «Скверный анекдот», а он — новый свой фильм «Ашик-Кериб». Тогда Параджанов был уже толстый, как бочка. Этот человек-артист сшил себе бархатный скортук, на голову натянул огромный берет. Выглядел, в общем, вполне безумно. Перед пресс-конференцией он мне говорит: «Когда будешь выступать, три раза ты должен сказать, что я гений. Если три раза не скажешь, я тебя убью». Ну, начался брифинг, Сережа произнес: «Перед вами уникальный человек!», показывая при этом на себя. И еще заявление сделал: «Я сидел при всех режимах: при Сталине, при Хрущеве, при Брежнев... Обещаю, что буду сидеть и при Горбачеве». Потом дал слово мне. Я сообщил журналистам, что перед ними действительно уникальный человек, крайне талантливый и прочее, и прочее. Параджанов, вроде бы, остался доволен. Закончилась пресс-конференция, идем мы в зал. А лестница там была узкая и очень крутая. Он меня пропустил вперед почему-то. Я и не понял сначала, отчего он так настойчиво уговаривал меня идти первым. План его был коварен: он хотел своим пузом столкнуть меня, чтобы я по этой крутой лестнице кубарем полетел вниз и сломал себе шею. А все потому, что я слово «гений» не произнес. Такой вот занятный был господин. У меня, кстати, дома висит его последний коллаж. Потрясающая вещь... Время уносит людей, но их творения остаются. Время-время...

Встречался
Игорь ПЕРЕВЕРЗЕВ